
О. А. ЛОСЕВА

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

На пороге XXI в. современное общество приобретает новые измерения духовной и материальной культуры. Возрастание значения искусственного мира и его воздействие на жизненный мир человека сегодня очевидны. На стадии информационного общества человеческая мысль пришла к пониманию того, что дальнейшая эволюция сферы жизни должна направляться разумом человека. Человеку предстоит определиться с новыми реальностями своей жизни, сознательно пересмотреть отношение к природе, обрести новые ценности и мировоззренческие ориентиры, определить перспективы своего дальнейшего существования.

Эволюция экономической и политической структур современного мира подчинила всю жизнь человека всемерному удовлетворению своих материальных потребностей. Вследствие увлечения чисто экономическими целями и забвения собственной культуры возникло безудержное стремление к росту материального благосостояния, которое разрушает духовные, этические и эстетические ценности, пагубно сказывается на отношениях между человеком и природной средой. Средства массовой информации, равно как и другие культурные институты, охвачены порывом насаждать стремление к экономическому благополучию. Даже в сфере образования материальные потребности все чаще возводятся до уровня моральных ценностей, подаются как символ цивилизации. Сегодня, когда социальные процессы приобретают глобальные масштабы, возникают опасения унификации культурных ценностей, усугубляется неравенство возможностей, создается угроза диктата со стороны тех, кто определяет ценности.

Прогресс информационной техники обусловил становление нового типа культуры – компьютерной, идущей на смену книжной. Революция в информатике связана со становлением письменности

Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2008 71–77

и книгопечатания. Эти два этапа создали принципиально новую технологию накопления и распространения информации, избавившую человечество от необходимости всецело полагаться только на человеческую память. Компьютерная культура несет с собой новый тип общения, основанный на возможностях свободного соприкосновения человека с информационным пространством, новый тип мышления и образования. Современные компьютеры позволяют получать текстовую, визуальную и звуковую информацию из всемирной информационной сети Интернет. Приобщение к информационной культуре – основная историческая тенденция.

Современные культурологические теории включают в себя разнообразные подходы к прогнозированию будущего человека и человечества, основанные на различных глобальных моделях (идеи Римского клуба, ноосферы, коэволюции). Сегодня чрезвычайно важно обнаружить универсальную ценностную основу, способную привести выдвигаемые проекты будущего к мирному сосуществованию. Ценности природы, жизни, культуры, мира необходимы человеческому сообществу для решения глобальных проблем. Только гуманистические ориентации обеспечат условия для раскрытия творческой индивидуальности, дадут возможность избежать стандартизации, будут утверждать глубинные духовные устремления человечества через свободное самовыражение каждого.

Ценностные отношения, выступающие как ценности самосознания личности (то есть обращенность к собственным смыслам), и ценностные отношения личности и внешней среды непостоянны, они изменяются во времени, как и сами люди. Как показано М. Т. Ландманом, Э. Тотхакером, мир есть истолкованное значимое. Человек неотрывен от своей, созданной им культурной среды именно потому, что она является необходимым условием его существования в мире природы, «раковины», в которой существует его наполненное смыслами окружение. Мир человека – это мир символических ценностных отношений с действительностью, феноменов, выделенных им из реальности.

Современный человек живет в мире, где духовное и нравственное повсеместно подменяется социальным и рациональным. В свою очередь, это не могло не сказаться на типе самого человека. В результате целой цепочки превращений в области фундамен-

тальных констант возник социорациональный тип человеческой личности: вторичное вытеснило первичное и породило образ, который практически не выражает сущность современного человека. Рациональный человек – продукт общества, он весь вовне и следует извне внушаемым правилам поведения. Благодаря искреннему вживанию в миф о решающей роли социальной среды, он получил целый ряд преимуществ, прежде всего – вытеснение всякой идеи личной ответственности за свои поступки. Поэтому рациональность нынешнего человека приобретает характер видимости. С помощью различных процедур у него выработаны временные условные рефлексы. Попытки же внедрения образцов поведения в сознание оказываются безуспешными, ибо не затрагивают и не могут затрагивать глубин человеческого сознания, которые наглухо у него закрыты.

Мнимо рациональный человек социален и не нарушает норм лишь оттого, что боится внешних санкций, возможного невыгодного своего состояния. Разворачивая свою деятельность посредством ориентации на нормы, являющиеся образующим элементом рациональности, он ввиду дефицита нравственного самосознания не перестает совершать полурефлекторные действия и не перестает быть объектом манипулирования. Но, с другой стороны, радиосоциальный человек – субъект, умело адаптирующийся, преследующий и достигающий своих сугубо эгоистических целей. Ощущая себя в состоянии постоянного противоборства с обществом и его институтами, он отвечает на потенциально репрессивную угрожаемость социума выработкой теневой контркультуры, в которой рациональность достигает еще большей, если не сказать законченной, формы перерождения. Разум в лице житейского здравого смысла опровергает здесь все нормы, поверхностность которых как бы внезапно осознается и признается: они вообще отбрасываются как чуждые и глубоко не укорененные. Нормы приобретают временный характер и используются, когда «надо». Контркультура перерастает в антикультуру, где просто отсутствуют нормы, а разум становится слугой низких интересов, потребностей, первобытных аффектов. Рациональный облик отбрасывается, и обнажается зияющая пустота безнравственных, бездуховных, оторванных от бытия интенций.

Рассматриваемый тип «человек рациональный» – уже не животное, но еще не в полной мере человек. Ведь и у животных имеются социальные отношения, обеспечивающие выживание и продолжение рода. Главное же отличие человека – не биологическая природа и социальный фактор, а его разумность, духовность. Социальная сфера, где проявляется социальная рациональность, расположена между духовным и плотским. Если социальная активность исходит от духовных потребностей, то она и ее рациональная форма имеют внешний смысл, возвышают человека. Когда же социальная действительность – всего лишь средство достижения материального интереса, она строится по принципам, закрепляющим биологизирование в социальной и духовной прогрессии человека, признающим в качестве доминанты наиболее последовательное выражение рациосоциального человека – зверя, у которого не только полностью вытеснено и атрофировано нравственное и духовное, но еще и гипертрофированы биосоциальные ориентации.

Результаты использования разума как средства приспособления человека к условиям своего существования, достижения господства над природой со все большей неизменностью превращаются в свою противоположность, свидетельством чему является постепенное оформление всех экологических проблем в единую глобальную проблему выживания человечества. В опасности оказалась не только природа, но и сам человек: под угрозой его человеческая сущность. Совершенно очевидно, что решение колоссальной по своей сложности задачи ее сохранения невозможно без изменения самого человека, без его глубокого внутреннего преобразования. В этом смысле на первый план выступает проблема человеческой духовности. Иными словами, человек должен, наконец, доказать, что он выше своей животной природы, своей «озабоченности муравья», ибо сохранение жизни на Земле, продолжение эволюции природы зависит от того, насколько человек способен реализовать заложенную в нем надприродную сущность, свою духовность.

В нашей стране кризисное состояние всех параметров общественной жизни, хаотичность, непредсказуемость ближайших событий порождают нервозность, психическую неустойчивость, отчужденность между людьми, уход каждого в одном случае в узкий круг семьи, в другом – в самого себя и зачастую на позиции эгоцентри-

ческих интересов. Для сохранения и обогащения духовного потенциала личности и общества в целом в сложившейся ситуации актуально, с одной стороны, подтвердить статус самостоятельности человека, его далеко не простой свободы выбора, вручить ему от имени общества самого себя, с другой стороны, ликвидировать с научных позиций идеологический вакуум, образовавшийся в последние годы.

В арсенале человеческого менталитета существуют вопросы, на которые в общей форме ответить нельзя: они требуют индивидуального жизненного опыта субъекта. Вся прожитая жизнь конкретного человека является, например, индивидуальным ответом на вопросы типа «что такое счастье? любовь? дружба?». Такими вопросами занимаются этика, философия, искусство, они вечны и неисчерпаемы. Для человека характерны также вопросы о смысле бытия, о возможности нахождения в самом феномене жизни чего-то, не отрицаемого смертью, о предельных и запредельных сферах души, о мотивах, в соответствии с которыми обязательные для физических процессов законы сохранения оказываются невыполнимыми в сфере индивидуальной судьбы. Ответы на них столь же бытийно напряжены, как и ответы на загадки Сфинкса в мифе об Эдипе. Решение этих загадок предполагает возвращение к тем истинам, без которых осмысленная жизнь превращается в состояние, простую фазу существования, к тем первичным смысловым матрицам бытия, благодаря которым функционируют типы культуры, социальные инварианты жизни, прафеномены (по выражению Гегеля) научного познания. В этом аспекте проблема духовности связана с укорененностью человека в самоценностных, благодатных и творчески первозаданных сферах осмысленного бытия. Поэтому она и оказывается созвучной современности – этому, быть может, самому ответственному периоду истории человечества.

«Наша жизнь, – писал по этому поводу А. И. Герцен, – постоянное бегство от себя, точно угрызения совести преследуют, пугают нас. Как только человек становится на свои ноги, он начинает кричать, чтоб не слышать речей, раздающихся внутри, налагает на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся, нежели какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри него. В этой боязни исследовать, чтобы не увидеть вздор исследуемого, в этом

искусственно созданном недосуге... мы проходим по жизни спроне и умираем в чаду нелепостей и пустяков, не пришедши путем в себя»¹.

Тем не менее, именно встречей с самим собой и является ценной проблема духовности в наше время, когда феномен личности выдвигается на авансцену истории. Не идея человека вообще, не его ролевые структуры и человечность сама по себе, но их преломление через индивидуальные качества личности определяет сейчас действительность гуманистического сознания. Все настоятельнее и энергичнее утверждает себя в общественном сознании мысль, что личность – не единичное и даже не особенное, но субстанциональное образование, ибо она может репрезентировать всю Вселенную, сжатую в пределах конкретного индивидуума. С нарастанием плотности социальных связей в XXI столетии эффект субстанциональности стал достоянием не только вождей и пророков (как это было в прошлом), но и многих людей за пределами истеблишмента современной цивилизации. Способность репрезентировать свое время, свой народ, национальную культуру, социум присуща всем, хотя и реализуется в меру конституирования личности и ее духовного развития. Более того, такая способность приобретает все большее культурологическое значение. Лозунг соборности, авторитарности коллективного, партийного фактора общественно-политической жизни начинает тесниться лозунгом личностной репрезентации социума.

Нарушение равновесия между природой и развитием общества, разрыв между социально значимым и социально сущим, трансформация бытия высшего дара в средство, в технический мир инструментальной активности предельно драматизировали проблему места человека в Универсуме, его способности быть причиной изменений в предметном мире. Констатируя эту ситуацию, А. Камю писал: «Лишенные посредников, изгнанные из прекрасного мира природы, мы опять очутились в мире Ветхого Завета, зажатые между царством жестоких фараонов и неумолимыми небесами»².

¹ Герцен, А. И. С того берега // Избранные философские произведения: в 2 т. – Т. 2. – М., 1948. – С. 17–18.

² Камю, А. Бунтующий человек. – М., 1990. – С. 352.

Однако каким бы испытаниям ни подвергалась история, в ней действует своеобразный закон сохранения человечности, в силу которого самые ужасные катаклизмы порождают вместе с тем высокие образцы нравственного мужества, духовного величия, мятежной гармонии, дерзкой и суровой мысли, взыскания высших ценностей. Вот почему «антропологическая катастрофа» на рубеже XX–XXI столетий не снизила потребности в духовности, ее высокого потенциала. Она характеризуется в наше время широким пространством поиска: от формул типа 11-й заповеди («не бойся»), рожденной советским обществом, и императива «осмысленного бытия» А. Сахарова до планетарного оптимизма Тейяра де Шардена и трагической мудрости «бытия-вопреки-смерти» Г. Марселя. Этот поиск не знаменует новой духовности, но является движением к ней. История цивилизации, как известно, знала несколько типов духовности: восточного, античного, христианского и даже сциентистского образца. Духовность всегда выступала как принцип самосозидания человека, как выход к высшим ценностным инстанциям.

Глобальный размах проблем в начале III тысячелетия вызывает потребность в новом духовном синтезе, на что, разумеется, потребуются длительное время. По крайней мере, в нашу эпоху, на завершающем рубеже развития индустриальной цивилизации, нельзя отвлечься от феномена двузначности безудержного практицизма в общении человека с природой и себе подобными. Духовности нашего времени начинает отвечать потребность осознания не только практической активности, но и творческой стихии созерцания.

Это особое отношение к окружающей среде, целью которого является сохранение предметного мира, а ценой и платой – преобразование внутреннего мира человека. Созерцание требует объединения вопроса «что я должен делать?» с вопросом «каким я должен быть?». Оно знаменует грань перехода внешних практических действий во внутреннее смыслотворчество и состояние свободы. Созерцание – это проблема обращения экологии внешней предметности в экологию культуры.